

**Всероссийская олимпиада школьников по литературе
2022/2023 учебного года
Муниципальный этап.
11 класс**

Аналитическое задание (70 баллов)

Вариант 1 (по выбору)

Выполните целостный анализ стихотворения **Давида Самойлова** «Смерть поэта», приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: особенности образа лирического героя, ритмической и лексико-синтаксической структуры текста. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

*Что ж ты заводишь
Песню военну,
Флейте подобно,
Милый снегурь?
Державин*

Я не знал в этот вечер в деревне,
Что не стало Анны Андреевны,
Но меня одолела тоска.
Деревянные дудки скворешен
Распевали. И месяц навешен
Был на голые ветки леска.

Провода электрички чертили
В небесах невесомые кубы.
А её уже славой почтили
Не парадные залы и клубы,
А лесов деревянные трубы,
Деревянные дудки скворешен.
Потому я и был безутешен,
Хоть в тот вечер не думал о ней.

Это было предчувствием боли,
Как бывает у птиц и зверей.

Просыревшей тропинкою в поле,
Меж сугробами, в странном уборе
Шла старуха всех смертных старей.
Шла старуха в каком-то капоте,
Что свисал, как два ветхих крыла.
Я спросил её: «Как вы живете?»
А она мне: «Уже отжила...»

В этот вечер ветрами отпето
Было дивное дело поэта.

И мне чудилось пенье и звон.
В этот вечер мне чудилась в лесе
Красота похоронных процессий
И торжественный шум похорон.

С Шереметьевского аэродрома
Доносилось подобие грома.
Рядом пели деревья земли:
«Мы её берегли от удачи,
От успеха, богатства и славы,
Мы, земные деревья и травы,
От всего мы её берегли».

И не ведал я, было ли это
Отпеванием времени года,
Воспеваньем страны и народа
Или просто кончиной поэта.
Ведь еще не успели стихи,
Те, которыми нас одаряли,
Стать гневливой волною в Дарьяле
Или ветром в молдавской степи.

Стать туманом, птицей, звездой
Иль в степи полосатой верстою
Суждено не любому из нас.
Стихотворства тяжелое бремя
Прославляет стоустое время.
Но за это почтут не сейчас.

Ведь она за свое воплощенье
В снегиря царскосельского сада
Десять раз заплатила сполна.
Ведь за это пройти было надо
Все ступени рая и ада,
Чтоб себя превратить в певуна.

Всё на свете рождается в муке —
И деревья, и птицы, и звуки.
И Кавказ. И Урал. И Сибирь.
И поэта смежаются веки.
И ещё не очнулся на ветке
Зоревой царскосельский снегирь.

1966

***Давид Самуилович Самойлов** (1920-1990) — советский поэт и переводчик, один из крупнейших представителей поколения поэтов, ушедших со студенческой скамьи на фронт.

Вариант 2 (по выбору)

Выполните целостный анализ произведения **Леонида Андреева «Случай»**, приняв во внимание следующие аспекты: авторское отношение к персонажам и способы его выражения, смысл названия рассказа, подтекстовое содержание. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Левой рукой доктор прижимал к груди купленную лампу, а в правой нёс тоненькую трость и весело помахивал ею. Походка у него была размашистая, свободная, как у всех людей, которые уверены в себе и своём счастье; голову он держал закинутой назад, и глаза его улыбались. Случалось, что доктор толкал локтём кого-нибудь из прохожих, которых было много на этой людной улице, и тогда он особенно явственно и особенно ласково произносил:

— Извините, пожалуйста!

Прохожий, которого толкнул доктор, часто не слышал извинения или не обращал на него должного внимания, но самому доктору оно было очень приятно и всякий раз вызывало любимую мысль о том, как выгодно быть добрым, любезным и никого не обижать. Извиниться ничего не стоит, а есть люди, которые совершают невежливости и никогда не извиняются, и их никто не любит. И с приятным сознанием, что он добрый и поэтому его любят все: жена, знакомые и пациенты, доктор шагал ещё легче и ещё крепче прижимал к груди попку, в которую также была заключена частица его доброты.

Лампа стоила недорого, всего двенадцать с полтиной, но жена давно уже мечтала о ней и теперь, сидя дома, и не подозревала, что мечта её осуществлена. И попалась лампа хоть и дешёвая, но очень хорошая: доктор мысленно сравнивал её со всеми другими лампами, какие приходилось ему видеть у своих знакомых и у пациентов, и те лампы были хуже. В них не было ни изящества, ни той особенной симпатичности и привлекательности, какими отличалась эта, двенадцатирублевая. Очень красивая лампа имелась у Ивановых — на высоком хрустальном стержне, с роскошным абажуром, — но та стоила шестьдесят, а за такие деньги в деревне можно купить пару хороших лошадей, не только что лампу. Были две хорошие лампы у Потаниных...

— Ох! - воскликнул доктор от толчка и торопливо добавил: - Извините, пожалуйста!

Толчок был так силён, что доктор немного пошатнулся, но улыбка не сошла с его уст даже тогда, когда он вполне разглядел толкнувшего: это была простая баба, невысокая, худая и страшно суетливая. Бежала она, словно на пожар, и Александр Павлович остановился посмотреть, как она разбрасывает на ходу прохожих.

— Ай да баба! - похвалил он её вслух, но потом вспомнил, что баба могла выбить у него из рук лампу и разбить её, и рассердился.

— Сумасшедшая! На людей бежит... Но, может быть, у неё кто-нибудь болен?

От последней мысли Александру Павловичу стало жаль бабу, и он снова развеселился, но сделался осторожнее и внимательнее и говорил уже не

«извините, пожалуйста», а просто «извините». «Довольно с них и этого», - думал он.

Уже надвигались осенние ранние сумерки, и, как это всегда бывает в сумерках, ближайшие предметы виделись с большею отчетливостью, глаз легко различал всякую подробность и мелочь, но вдали всё сливалось в чёрные и серые пятна. Дождя не было, не было и ветра, и сор в углублениях мостовой лежал неподвижно и тихо; возле самой панели валялась пустая коробка от папирос, ярко белея своими боками и вызывая странные мысли о том, кто был человек, выкуривший её, и где он теперь. Кое-где в магазинах засветились огни, улица стала неприветной и холодной, и в неумолкающем грохоте её слышались нотки усталости и беспокойной жалобы.

Доктор крупно набавил шагу, молча толкая сам и молча принимая толчки. Лицо его стало серьёзнее, но в голове у него проходили все те же радостные мысли: о жене и ребенке, о том времени, когда в кабинете у него будет камин и он будет сидеть и греться у камина. Толково и основательно доктор перечислил всё, что было приобретено для дома в последний год. Приобретено много. Заново обставлен весь кабинет: письменный стол, кушетка и книжный шкаф. Куплена гостиная мебель, куплена она дешёво, по случаю, но выглядит как новая и дорогая. Выписан, кроме того, журнал «Врач» и другой толстый журнал, так как Александр Павлович всегда интересовался литературой и признавал за ней значение воспитательное. Для жены сделано новое осеннее пальто с золотым галуном, а для ребенка нанята нянька. А вот теперь лампа — очень дешёвая, но красивая лампа.

До дому оставалось уже недалеко, когда на противоположной стороне улицы сильнее закопошилось чёрное пятно прохожих, и из него слышались неясные крики. Люди толкались, казалось, на одном месте, двигали беспорядочно руками и что-то кричали. За грохотом улицы слов разобрать было невозможно, но в повышенном тоне голосов звучало беспокойство и странная злоба — странная, потому что в ней чувствовалась радость. На улице все становятся любопытны, и доктор остановился, напряженно вглядываясь в колышущуюся и быстро нарастающую массу.

— Что бы это такое было? - догадывался он.

Внезапно чёрное пятно яростно завожилось, загрохотало громче, чем улица, и всё разом быстро тронулось в одну сторону, расплываясь и выкидывая из себя отдельных бегущих людей. И ясно выделилась одна громкая и отчётливая фраза:

— Вор! Держите вора!

Впереди всех, не особенно быстро, как показалось Александру Павловичу, бежал невысокий человек, ловко и спокойно лавируя между встречных, по-видимому, вор.

«Если он будет бежать всё так же вдоль улицы, то его поймают. Ему бы свернуть сюда, в переулок», - подумал доктор про длинный и глухой переулок, открывавшийся в нескольких шагах от него. И, когда вор, точно услышав его мысль, свернул с панели и бросился через улицу, напрямик на доктора, он обрадовался — и тотчас же болезненно сморщил лицо. Поверх голосов преследующей толпы выделился и словно пронзил воздух острый, высокий

свист. Непрерывный, резкий, проходил он сквозь темную стаю звуков, как длинное сверкающее лезвие, и было страшно его слушать, и холодною, неумолимой жестокостью веяло от него. В самую глубину души проходил он, и хотелось бежать самому, махать руками, кричать, что-то делать безумное и злое. И ещё свист, и ещё ; целый десяток ртов выпускал острые, змеящиеся стрелы, и жадно взывала разноголосая толпа:

— Держите вора!

Вытянув шею и быстро двигая головой, как ищущая собака, доктор прикованным взглядом следил за вором, то теряя его за экипажами, то вновь охватывая одним взглядом всего его, от быстро перебегающих ног до непокрытой головы, при каждом прыжке словно распухавшей от разметавшихся волос.

— Держите вора! - вопила толпа, и острый свист, ещё более разросшийся, сверлил и терзал мозг. Преследуемый уже подбегал к доктору, и, хотя это была всего одна секунда, доктор успел с поразительной ясностью рассмотреть его лицо. Оно было молодое, с тоненькими светлыми усиками, и такое простое и обыкновенное в своем выражении, как будто человек этот вовсе не спасался от погони, а делал какое-то простое и неважное дело. Вместо бороды у вора были редкие жёлтенькие пушинки, и выглядели они со своего места просто, смиренно и даже немного скучно, напоминая о чем-то далеком от улицы с её жестоким свистом и беспощадной травлей.

Нерешительно, как человек, который ещё сам в точности не знает, как он намеревается поступить, Александр Павлович сделал полшага навстречу бегущему и слегка приподнял и растопырил руки, в одной из которых оставалась завернутая в бумагу лампа. С разбегу вор ударился о его грудь, охнул всем нутром, вышиб из рук лампу и, отбросив в сторону самого доктора, побежал дальше. Но уже в следующую секунду в ворот его впиалась железная рука.

— Стой, каналья! Не уйдешь! - проговорил сквозь зубы доктор и сильно встряхнул его. Вор попробовал рвануться, но тотчас понял бесполезность попытки: он был невысокий, тщедушный, почти юноша, а доктор высокий, сильный и, как показалось вору, свирепый. И он сразу успокоился. Дышал он часто, коротенькими и неглубокими вздохами, и тихо попросил:

— Пустите!

— Как бы не так! - ответил доктор и сильнее закрутил ворот.

Лицо юноши краснело, ворот, видимо, душил его, и, шевельнув болезненно плечами, он хрипло сказал:

— Ведь больно же! Пустите!

Александр Павлович немного отпустил, и так молча стояли они и рассматривали друг друга с необыкновенным любопытством, прямым, спокойным и властным. Быть может, когда-нибудь они встречались в толпе и проходили мимо, не видя друг друга, но теперь один из них был пойманный вор, а другой — человек, который поймал его, и это крепко и странно соединило их. Доктору казалось, что первый раз в жизни видит он человеческую физиономию и впервые понимает, что такое глаза, нос и губы. И когда он понял, что такое глаза, нос и губы, они представились ему такими

милыми, простыми и жалкими в своих потребностях видеть, дышать и целовать, что ему захотелось ласково погладить их рукой. И пушинки на подбородке желтели всё так же мирно, по-домашнему, и при взгляде на них доктору сделалось бесконечно грустно и ещё более жалко,- и в ту же минуту с загадочной и непередаваемой ясностью почувствовал он как чужую, свою правую руку, которою держал вора. От плеча до стиснутых пальцев чувствовал он её и мучился желанием снять, но она была как деревянная и с виду все так же спокойно лежала на шее человека с пушинками.

— Что же ты молчишь? - просительно сказал доктор.

Вор, не отрываясь взглядом, быстро ответил:

— А что же я буду говорить?

И опять они замолчали. И уже не только руку, но всего себя почувствовал доктор: почувствовал глаза, как они глядят, почувствовал платье, облегающее тело, и папиросы в левом кармане пальто. Как будто мозг его расплылся по всему телу, и всякая частица тела стала глазами и умом, и не нужно было глядеть и думать, чтобы от головы до ног увидеть себя и почувствовать. И не только себя, но и вора почувствовал он так же ясно и странно, словно оба они, и доктор и вор, были ему посторонние, и словно оба они были он. Не глядя, видел он вора с опущенными руками и себя с широко расставленными ногами и протянутой рукой, и эта поза была проста и дика до ужаса: человек держал другого человека.

— Послушай! - начал доктор, но кончить ему не удалось.

Грохочущей волной налетели преследователи, закружили и разъединили их, затопили криком, говором и торжествующим смехом, ослепили сверканием зубов и возбужденных глаз и шумным, болтливым потоком тронулись в участок. И тогда всё стало опять просто и понятно, и доктор медленно стал припоминать лампу, извлекая представление о ней из какой-то глубокой дали, пока оно не сделалось ясным, живым, почти осязаемым.

«Разбилась! - с горем подумал Александр Павлович. - А я даже кусков не посмотрел».

Он обернулся назад и в последний раз взглянул в том направлении, где осталась разбитая лампа. И опять ему стало жаль вора, а потом лампу, и так поочередно он жалел то человека, то вещь. И пока он жалел одно, другое вызывало в нем злобу, и так дошел он до участка.

— Это вы его схватили? - спросил его околоточный надзиратель.

— Я,- ответил Александр Павлович и обернулся: все глаза глядели на него, и лица обидно улыбались. И поспешно, запинаясь, доктор оправдывался: - Сам не знаю, как это вышло. Он бежал, а я... Так это неприятно.

— Нет, почему же? Это даже очень приятно,- утешил его околоточный надзиратель.

И когда доктор вновь оглянулся на окружающих, все они были серьезны и смотрели на него ласково и поощрительно. Потом человека с пушинками заперли в грязную камеру вместе с другими ворами, пьяницами и проститутками, а доктора околоточный надзиратель вежливо проводил до дверей, благовоспитанно говоря:

— Очень приятно познакомиться с образованным человеком. Такая, знаете, грандиозная масса жуликов, что очень, очень приятно...

Хотя новая лампа была разбита, но в квартире Александра Павловича и без неё света было достаточно: в кабинете горела большая «министерская» лампа, приобретённая ещё в то время, когда доктору впервые пришла мысль о диссертации; в столовой бросала яркий свет висючая лампа; были лампы и в гостиной и в двух других комнатах, и вся квартира выглядывала оттого веселой и приветливой. Особенно заметно становилось это, когда взгляд падал на полузадернутое окно: там была тьма, и шумел начавшийся дождь.

— Так это неприятно, - говорил Александр Павлович, качая головой.

— И никак нельзя было бы починить её? - отвечала жена его, Варвара Григорьевна.

Она тоже была огорчена, но старалась скрывать это от мужа: она очень любила его.

— Не в том дело. Зачем я схватил его!

— Не ты, так другой. Вот пустяки. Пойдём посидеть в гостиной.

Они очень любили свою гостиную и освещали её даже в те вечера, когда никого не было посторонних. Вначале им больше нравился кабинет, но теперь с новой мебелью и цветами гостиная стала уютнее и приятнее.

— Вообрази, как хорошо было бы с новой лампой,- сказала Варвара Григорьевна.

Она сидела на диване, и голова её лежала на плече мужа.

— Да, хорошо бы,- вообразил доктор и вздохнул.

— Мне бы только посмотреть, как бы это было. А там пусть бьется! - размышляла Варвара Григорьевна.

Александр Павлович засмеялся, поцеловал жену в щёку и спросил:

— Ты счастлива?

— А ты?

— И я. Знаешь, мне всё этого жалко. Вора. Ужасно жалко!

— Ну вот! Ты уж очень добр. И потом ему, наверно, в тюрьме лучше. Ты слышишь, какой дождь. Брр... скверно. И Ивановы, должно быть, не придут.

Доктор ясно увидел тюрьму и человека с пушинками, как он там сидит. Темно, так как горит только маленькая, скверная лампочка; ползают клопы, и на двери висит большой железный замок. И, запёртый, сидит человек с пушинками и о чём-нибудь думает, может быть, о человеке, который его схватил.

— Главное, зачем я его схватил? - раздумчиво говорит Александр Павлович. - Как это нелепо! Выйди я из магазина на пять минут раньше, и ничего бы этого не случилось.

— Никогда не нужно вмешиваться в эти уличные истории, - замечает жена поучительным тоном. - Когда я жила у тети, к нам тоже залез вор, и его судили... Ты замечаешь, Саша, как за последний год мы обставились?

— Я уже думал. И ведь совсем молодой парень этот вор. И лицо истощёное!

— Нужно ещё хороший книжный шкаф,- продолжала Варвара Григорьевна. - Твой мал. Ты записываешь книги, которые у тебя берут?

— Ну, кто там берёт!

— Нет, всё-таки. А то и не заметишь, как ни одной книги не останется.

Оба задумались и, тепло прижавшись друг к другу, рассеянно обводили глазами светлую и красивую комнату. Варвара Григорьевна вспоминала о том, сколько книг было у её тетки и как все они распропали. Доктор старался припомнить вора с его особенными глазами, носом и ртом и не мог. Ясно представлялись многие лица, знакомые и совсем чужие, а этого лица, нужного для жалости, не появлялось. Тогда доктор попытался вообразить тюрьму с её мраком и грязью и тоже не мог.

— А знаешь, чего я тебе купила закусить? - спросила Варвара Григорьевна, разглаживая рукой волосы мужа.

— Чего?

Доктору уже хотелось есть, и он начал угадывать, но не угадал.

— Омаров!- с гордостью воскликнула Варвара Григорьевна и пояснила:- Я думала, придут Ивановы, но тем лучше,- ты сам съешь.

И они несколько раз поцеловались. Потом они пили чай, и доктор ел омары, а после чаю они перешли в кабинет, и доктор читал жене вслух. Дождь ровно и еле слышно сквозь толстые стекла шумел за окном, ровно и успокоительно звучали фразы романа, и было так светло от большой «министерской» лампы.

— Довольно. Спать пора! - решительно сказала Варвара Григорьевна и захлопнула в руках доктора книгу.

Лениво поднявшись с дивана, она закинула руки за голову и потянулась, извиваясь всем телом и выставляя вперёд грудь. Не давая опустить рук, Александр Павлович обнял её и поцеловал в шею.

— А всё-таки жалко...- сказал он.

— Ну, оставь. Купим новую.

Доктор говорил о человеке, но после слов жены подумал, что говорит о лампе. И, обнявшись, они пошли в спальню.

1901

*Леонид Николаевич Андреев (1871-1919) — русский писатель, представитель Серебряного века русской литературы.

Творческое задание (25 баллов)

В знак высочайшей общественной значимости профессии учителя 2023 год — год 200-летия со дня рождения одного из основателей российской педагогики Константина Дмитриевича Ушинского — будет посвящён в нашей стране учителям и педагогам. Вспомните произведения русских писателей, в которых показана личность учителя. О каком учителе Вам хотелось бы рассказать? Укажите название произведения, автора. Представьте, что Вы учитесь в классе у такого педагога. Чему Вы смогли бы у него научиться? Какие человеческие качества учителя Вы считаете наиболее привлекательными в 21 веке? Есть ли они в педагоге, о котором Вы хотите

рассказать? Напишите статью для школьной газеты об этом учителе, придумайте название.

Соблюдайте композиционное построение статьи, соответствие заголовка теме и описываемому материалу. Объём работы – от 150 слов